

ИСТОРИИ ПОПАДАНЦЕВ

ОЛЕГ БЫСТРОВ

ЛЕТУН

Истории попаданцев

Олег Быстров

Летун

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Быстров О.

Летун / О. Быстров — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Истории попаданцев)

Наш современник попадает в Россию начала 20 века. Грядёт Первая мировая война. Человек и патриот Андрей Сосновцев мечтает в канун величайшей битвы усилить русскую армию, помочь построить реактивную артиллерийскую установку «Катюша». За Сосновцевым пристально наблюдают немецкие шпионы, далеко не все соотечественники верят в идею реактивных снарядов. Много трудностей предстоит преодолеть герою в своей новой жизни, порой он в шаге от смертельной опасности. Но верные друзья и вера в правое дело помогут ему, безусловно!

Содержание

Пролог	5
1. Сосновцев	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Быстров

Летун

Пролог

– Андрюха!.. Помоги!.. Тону!..

Детский крик разносился в стылom воздухе резко и тревожно, словно пожарная сирена. Даже шум воды на бурной стремнине Южанки, и перестук гальки на мелководье не заглушали его, а, казалось, делали ещё страшнее. Нестерпимее...

Зима в Южнореченске короткая, да и настоящие морозы редкость. Так, подсыплет мокрым снежком, ветер пронизывающий, температура чуть ниже нуля. Больше слякоть да насморк, чем настоящая зима. Но в этот год в феврале неожиданно прихватило. На улицах намело настоящие сугробы, городской пруд в парке промёрз чуть не до дна, и там немедленно организовали каток. Климат зимними развлечениями горожан не баловал, молодёжь спешно доставала забытые на чердаках коньки и лыжи. А те, что помладше – санки. На любой горке – смех, детвора, кувыркающаяся в снегу, румяные щёки!..

Только Андрюхе Сосновцеву и Юрке Полухину этого показалось мало. В двенадцать лет всего хочется попробовать. Прибавим к этому также, что Андрей с Юркой считались заядлыми рыбаками. Южанка – речка неглубокая, у города течение имеет тихое. С пристани летом ходит катер на тот берег, по которому сплошь тянутся песчаные пляжи. Любимое место отдыха горожан на выходные.

Но вот если выехать на автобусе за город, да пройти редким лесочком с километр, то попадёшь на «текучку». Здесь течение резвое, по руслу рассыпаны маленькие островки, добраться до которых нетрудно вплавь. Здесь можно уже и порыбачить. А если повезёт, то к вечеру, глядишь, и ухи сварить на костре. Из мелкой рыбёшки, не так чтоб много, но на двоих всегда хватит. И вообще, главное – процесс. Дело-то не в рыбе...

Это всё летом. А в тот раз Юрка предложил рыбалку зимнюю.

– Такой случай, Андрюха! – жарко доказывал он товарищу. – Когда ещё морозы на Южанке будут? Сейчас на острова наверняка по льду перебраться можно. Там есть промоины и полыньи. А вдруг щука по холодку выплывет, или ещё какой зверь?! Айда, попробуем! Пропустим, всю жизнь себя корить будем.

Андрей в шук и сомов, что водятся в неглубоких водах Южанки, не верил, но и огорчать друга не хотелось. И потом, это ж потом сколько времени хвастаться можно – вот, мол, а мы на подлёдный лов ходили!

Поначалу всё шло, как задумано. Доехали на автобусе до знакомых мест, прошли к реке. Вода у берега действительно замёрзла, и между ближними островами стоял крепкий по виду лёд, припорошенный снегом. Но на стремнине бурлила вода, да и ближе к берегу виднелись широкие полыньи. Не те всё же морозы на юге, чтоб надёжно спаять быструю речку. Но отступать рыбаки не собирались.

Вначале перебрались на ближний остров. Прорубили лунку во льду, но хоть и просидели с час, и промёрзли до костей, ничего не поймали.

– Надо ближе к стремнине подбираться, – предложил Юрка.

– Там лёд тонкий, – опасливо возразил Андрюха. – Как бы в воду не загреметь...

– А ты что, боишься? – подначил друга Полухин. – Не дрейфь, Андрюха, прорвёмся. Зато такую рыбину выловим!..

– Это я-то боюсь?! – повёлся «на слабо» Андрей и первым ступил на ненадёжный мостик, ведущий к соседнему островку, что располагался ближе к стремнине. Наст опасно

потрескивал при каждом шаге, мальчишке казалось, что вот – ещё шаг, и нога провалиться в обжигающую холодом, ледяную купель. А там бурное течение – захватит, словно в цепкие сети, затянет под лёд, утащит в стылую глубину!..

Но всё обошлось. До островка добрались благополучно. Здесь и лунок долбить не понадобилось – у берега намёрз козырёк, а из-под которого била ключом вода, впадая в достаточно широкую полыню. Друзья примостились на берегу и закинули удочки. Однако время шло, но не то что щуки, обычной плотвички на крючок не попадалось.

– Надо забросить леску на глубину, – решил Юрка. – Там точно рыба есть, это я тебе говорю.

Андрей не успел ни возразить, ни вообще сказать что-либо, а Полухин, воинственно выставив вперёд удочку, пополз на пузе к краю козырька. Потрескивал лёд, шумела вода, вырываясь из-под ноздреватого панциря мощными струями, и, пересекая пространство полыни, втягивалась под твёрдую ледяную корку противоположного края промоины с голубоватыми, искристыми изломами льда. Юрка полз, оставляя за собой глубокую борозду на снегу...

Андрей замер. Что-то опасное виделось ему в этом движении друга. Зачем лезть к самому краю?! Лёд на Южанке, и так-то не очень надёжный, там может оказаться и вовсе тонким!.. Но и сказать он ничего не мог – странная судорога свела горло. Внутри всё напряглось, и пошевелиться Сосновцев не мог – мышцы словно одеревенели.

Тут и произошло несчастье. С громким треском кусок береговой наледи отломился и ушёл под воду, и Юрка моментально оказался по плечи в бурном потоке. Вскинул руки, попытался ухватиться за берег...

– Андрюха!.. Помоги!..

Покрасневшие пальцы попытались вцепиться в береговую наледь, ставшую вдруг предательски рыхлой и ломкой, и течение закручивало тело мальчишки в набухшем водой, отяжелевшем пальто, властно тащило в промоину, туда, где виднелась закраина ледяного панциря.

– Тону!.. – прокричал Юрка, глаза его округлились и были полны ужаса.

А Сосновцев не мог пошевелиться. Странное оцепенение, навалившееся на него несколько мгновений назад, не проходило, а, казалось, напротив, только усилилось. Полностью лишило воли, способности двигаться, делать хоть что-то.

– Юрка!.. – просипел он и сам не услышал своего голоса...

В следующий миг шапка слетела с головы друга, мелькнула напоследок копна светлых волос, и тело скрылось. Чёрная вода кружилась водоворотом на том месте, где только что вскидывал руки верный друг и заядлый рыбак Юрка Полухин. А Андрей судорожными, резкими движениями – руки и ноги будто освободили, будто сняли с них какие-то незримые оковы – отползал от берега. Туда, вглубь острова, подальше от этой закраины, от ужасной воды, в которой не то что рыбу удить, а как бы самому рыбаку не пойматься. И утаскивает их под толстый лёд с искристыми, голубоватыми сколами...

Как Андрей оказался на остановке автобуса, он вспомнить потом не мог. Домой его привёз участковый милиционер, вызванный кем-то из людей, ожидающих автобус. Насквозь замёрзший мальчишка, не отвечавший на вопросы, и вообще, пребывавший в полубредовом состоянии, перепугал их. В жёлтом «уазике» Сосновцев чуть пришёл в себя, назвался. Пожилой капитан отвёз и передал его родителям.

Скоро прибежала Юркина мать, трясла Андрея за плечо, пыталась добиться – где сын? Ведь на рыбалку пошли вместе! Андрей не смог сказать страшной правды. С трудом разлепляя непослушные губы, пролепетал, что, мол, они разошлись и удили в разных местах, и больше он друга не видел. Потом Сосновцев слёг с температурой, лежал в полубреду, но

слышал обрывки разговоров родителей. До сознания с трудом доходило, что Юрку, или хотя бы его тело, искали у реки, но течение бурное, да и лёд мешает. Ничего не нашли.

Так Андрей никому ничего и не сказал о том, что случилось на рыбалке. А когда выздоровел, мать перевела его в другую школу на противоположном конце города.

Не везло последнее время Пантелею Лютому. По осени потерял он лучшего кореша Фёдора Колуна. По-глупому всё получилось: в пьяной кабацкой драке сунули верному подельщику нож под ребро. Эх, и весёлый был мужик Колун! С ним можно было и лабаз подломить, и хоромы купеческие выпотрошить. Было, да сплыло. Нету больше Фёдора. И с тех пор не клеилось у Лютого.

Прибился было к ватаге Кочубея, взяли пару магазинов, ювелирку. Да на последнем налёте пошуметь пришлось. Больно ювелир попался несговорчивый да жадный. А тут, как назло, городской. Валить пришлось обоих. Полиция на уши встала, подозрительных хватили на улицах, в пивных, на рынках. Лютый из ватаги свалил. Он вообще не любил «мокрого». Припугнуть ножичком, дубинкой по головушке пригреть в тёмном переулке, это – пожалуйста, со всем нашим удовольствием. Но брать в руки стрелялку и губить людские души почём зря – нет, не его это.

Зиму кое-как пережил, мыкаясь по хазам да малинам. Там у марухи переночует, тут у барыги в долг возьмёт. Первые хоть за любовь кормили, вторые же процент накручивали людоедский, мол, с будущих дел отдашь. А дела всё не было, хоть выходи с кистенём на проезжий тракт! Вот и весна на носу, ночью ещё морозит, а днём-то уже припекает. И его припекло, дальше некуда. Правда, с недавних пор прибился к нему мальчонка лет пятнадцати. Малахольный, без роду без племени, себя не помнящий. Говорит, с телеги упал, да голову отшиб. Ни как звать, ни откуда – ничего сказать не может.

Пантелей вначале убогого гнал, дескать, самому жрать нечего, тут ты ещё. Но тот прилип как репей, ходит хвостом... Плюнул Лютый, пусть будет пока. Авось на что сгодится. Назвал для потехи Федюнькой. В память о покойном кореше назвал, да разве этого с тем сравнишь? Тот настоящим «колуном» был, а этот... так, пыль подзаборная.

Однако жить как-то надо. Для начала приспособил Федюньку милостынюку выпрашивать. Это у него получалось хорошо. Сам-то плюгавенький, в чем душа держится. Рожу скорчит жалистную-жалистную и скулит как собачонка. Ему и подают. Какое-то время на этом кормились. Да не привык Лютый так жить.

Дальше – больше, попробовал приспособить малахольного к ремеслу карманника. Сам не ожидал, но и это получилось. Потрётся убогий промеж людей, на него и внимания никто не обращает, разве что сунут хлеба кусок, жалеючи, а шельмец – глядь – с кошельком возвращается. Или часы уведёт. Стало повеселее. Но и это были слёзы, не фартово было, мелко. Встречаются, конечно, щипачи знатные, в воровском мире уважаемые, но то не про Федюньку.

И появилась у Лютого задумка. Глядя на тщедушную фигуру приживалы, мыслил он, что тот легко сможет проникать в форточки. Колун, тот амбарные замки рукой срывал. Пантелей, хоть и сам не из слабаков, так не умел. А если убогого научить, да хоромы брать – это уже нормальный воровской хлеб. Домушник, он вор законный.

Но Федюнька неожиданно показал характер, заявил, что в окно не полезет. Западло, мол, ищи других дураков. Пантелей, недолго думая, отпинал парнишку хорошенько, чуть рёбра не переломал. Приживала оклемался и сказал – хорошо, мол, в хату полезу, но хабар пополам. Подивился Лютый такой наглости, но для виду согласился: ты-де, вначале влезь, а там видно будет.

Но и тут мальчонка ухватистым оказался. Пролез в купеческий дом ночью, словно всю жизнь этим занимался. Дверь открыл. Начали они вдвоём добычу собирать – деньги,

побрякушки, мануфактуру. А тут дед из угла вылезает – то ли отец купчины, то ли родня какая. Лютый – за дубинку. Думал по башке ненужного свидетеля пригреть, пока в сумраке личность не разглядел. Иначе побежит в полицию, и – здравствуй, Сибирь-матушка! Да Федюнька проворнее оказался. И где топор взял, в сенах, что ли? Так не изба ведь крестьянская, где инструмент всегда под рукой, – купеческие хоромы. Только тем топором напарник деду полголовы снёс одним ударом и глазом не моргнул. Плюгавый-то плюгавый, а через человека переступил, не поморщился.

С той ночи стал Лютый приживалу своего опасаться и решил держать ухо востро. А тот во вкус вошёл, давай, говорит, на гоп-стоп брать людишек. И веселее это, и прибыльнее. Лютый сказал, подумает, мол, а пока нужно барыгам хабар сдать. Сдали, приоделись, да ещё деньги в кармане остались. Лютый себя человеком почувствовал. Глядь, и Федюнька выглядит иначе. Вора из себя не корчит, но и на задних лапках уже не ходит. Снаружи посмотреть, скромный юноша: то ли школяр великовозрастный, то ли приказчик из начинающих. Только глазами зыркает по-волчьи, неприятно так зыркает, аж кошки на душе скребут.

Уже тогда Лютый про себя решил, что надо будет от нежданного поделщика отделаться. Как? – вопрос другой, но нужно будет обязательно. Однако по воровскому обычаю удачу нужно было отметить, фарт задобрить. Знал Пантелей трактир, не из самых богатых, но приличный – троекуровский, что в Помпечком переулке. Место тихое, кормят вкусно, и физиономию его там не отличали. Захаживал когда-то, в более спокойные и сытные времена. И сейчас заглянуть можно.

Сидели тихо, деньгами не сорили. Заказали каши с мясом, холодца, к водке – селё-дочку. Пили, закусывали. Пантелей за сколько дней наконец наелся до отвала, разомлел, думал уже оглобли поворачивать, когда заметил, что за дальним столом молодец гуляет. С первого взгляда понятно – из чистой публики и приезжий. По всему видать, или жалование получил, или продал чего удачно. Ну и ладно бы, гуляет себе честный фраер, но тут молодец пачку ассигнаций засветил. А пьян он был уже изрядно.

Лютый уши наострил. Добыча сама в руки идёт, подождать чуток и подсесть – вся недолга. Посмотрел на поделщика, у того глаза сузились, скулы заострились. Тоже деньги заметил.

– Ты, эта, Федюнька, мальчика видишь? – спросил на всякий случай.

– Ага, – проронил тот.

– Как соберётся уходить, мы за ним. Он косой, трепыхаться не будет. Я его придушу маленько, а ты карманы почистишь. И дёру... Фраер оклемается, так и не вспомнит – ни где пил, ни с кем.

– Ага, – подтвердил собеседник.

Тем временем гуляка с трудом выбрался он из-за стола, натянул пальто. Ноги его слушались плохо, половой до выхода довёл. Хозяин трактира проводил подвыпившего приезжего взглядом: ничего, молодой ещё, проспится. Утром как огурчик будет. Вывел половой клиента на крыльцо. Стемнело уже.

– Может сударю извозчика покликать? – спросил. – Куда ехать-то?

Тот лишь мычит в ответ, ни адреса назвать не может, ни два слова связать. Ну что ты будешь делать? А на улице холодно, да и обслуживать клиентов нужно, некогда с пьянчужкой валандаться. Тут, откуда ни возьмись, двое.

– Давай, братец, барину пособи́м, – говорит здоровяк в армяке. – Мы знаем, где их благородие живёт. Вмиг на извозчика определим и к дому доставим.

Половой и рад, сбавил неудобного клиента, и обратно в трактир, столы обносить. Пантелей с одного бока прихватил добычу, Федюнька с другого. Повели по переулку. Лютый знал, куда идти. Впереди закуток, проход между дворами. Там и днём-то мало кто ходит,

а уж ночью и вовсе безлюдье. А дальше – прямым ходом на Дементьевскую улицу, и ищи ветра в поле.

До закуртка фраера доволокли. Пантелей, поддерживающий парня справа, будто невзначай перехватил руку и тут же зажал тощую шею мощным захватом. Приём был отработанным, человек терял сознание на несколько минут, но потом приходил в себя. А за это время умельцу выпотрошить карманы – от нечего делать. Бедолага даже замёрзнуть не успеет, зачем лишний грех на душу брать?...

Жертва обмякла, Лютый уже начал ослаблять хватку, когда убогий Федюнька неожиданно выхватил нож и ударил фраера со своей стороны под рёбра. А следом ещё раз, и ещё...

Пантелей оторопел. Да какого рожна!.. Но тело, словно тряпичная кукла, выскользнуло из-под руки, упало в снег. На светлом фоне сугроба расплзлось тёмное пятно. Отлетела в сторону шапка...

– Ты!.. Ты зачем это?! – задохнулся Лютый. – Взяли бы деньги, и дело с концом!

– Ничего, так вернее будет, – усмехнулся Федюнька. – Мёртвые в полицию не ходят.

– Вот свяжись с дураком!.. – в сердцах крикнул Лютый. – Они-то не ходят, да полиция их находит. И следствие начинается... Ты, видать, и правда башку себе отбил, когда с той телеги упал. И не только память потерял, но и умишко последний. Или взять не можешь в толк, что в трактире нас видели? Что половой рожки наши вполне запомнить мог?! И вообще, зачем кровушку лишнюю на себя брать? Он же и так готов был!..

– Говорю же, так вернее, – нехорошо усмехнулся малахольный.

– Тьфу, пропади ты пропадом! – выругался Пантелей. – И что я с тобой связался? Нужда, видать, заставила, не везло мне тогда... Кабы не это, ни в жисть с таким, как ты не хороводился бы...

– А тебя никто не заставляет, Пантелей, – прищурился Федюнька.

– Вот щас и разбежимся. Не по пути нам. Ты иди своей дорогой, а я...

Лютый нагнулся за бумажником, что лежал во внутреннем кармане пальто, и тут же получил удар ножа между лопаток. Длинный острый клинок прошёл чуть наискось и достал сердце. Пантелей Хлебников по прозвищу Лютый умер сразу, не почувствовав боль.

А Федюнька вытер клинок об армяк бывшего покровителя и забрал деньги.

– Нужда его заставила... – буркнул он себе под нос. – Нужда она такая, любого заставит...

И лёгкой походкой отправился в сторону Дементьевской, где горели фонари. Улица была пуста. Глухие заборы отгородили дома оструганными, толстыми досками от остального мира. Подмораживало, стук каблуков гулко отдавался в ночной тишине, но нигде не зажёгся огонёк, не заскрипела дверь. Никто не видел тщедушного подростка в полушубке и собачьей шапке. Никто не узнал, что в кармане у него нож, которым он только что, без всякого сожаления убил двоих. Ночь отстранённо смотрела на nepотpeбствa людей безразличными глазами звёзд.

Под фонарём Федюнька остановился, открыл портмоне. Пересчитал деньги.

– Не так и много, – усмехнулся убийца. – Ничего, лиха беда начало. Будет и на моей улице праздник...

Жизнерадостно рассмеялся и пошёл лёгкой, стремительной походкой в ночь.

1. Сосновцев

Конец октября выдался на удивление дождливым. Обычно здесь, в этом южном городе, середина осени – чудная пора. Ещё трепещет на деревьях листва, лишь приобретая тёплый жёлтый окрас, а на берёзах так вовсе золотистый, но не облетает ещё, не оголяет стволы и ветви. Солнце не жгучее, тёплое и ласковое. Дни стоят погожие, и небо – не выгоревшее от летнего зноя, а голубое и прозрачное. Высокое-высокое.

Засмотришься в это небо, а в вышине чертит незамутнённую синеву серебристая точка самолёта, оставляя за собой пушистый, расходящийся в стороны инверсионный след...

В этом году так было до середины месяца, а во второй половине зарядили дожди. Настоящие осенние: холодные, унылые, бесконечные. Но в субботу поток холодной воды из низких туч неожиданно иссяк, будто кран повернули. Выглянуло робкое солнышко, облетевшие листочки поплыли по лужам, словно сказочные кораблики. Андрей Сосновцев поглядел в окно и решил выйти на прогулку.

Вот так – не по делам, бегом, поминутно поглядывая на часы. Не на тренировку в спортзал, не в клуб дельтапланеристов, договариваться о поездке в воскресенье на ближние холмы. Да и какие сейчас полёты – раскисло всё, и ветер не сильный, но порывистый. Враг летунов. А просто прогуляться до ближайшего парка. Посидеть на скамейке, подышать воздухом. Выпить бутылочку пива и собраться с мыслями.

Подумать-то есть о чём. Бизнес не идёт, хоть плачь. Недавняя попытка прокрутить бабло через Сергея и его фирму чуть не лишила его последних сбережений. Нужно быть честным хотя бы перед собой – делец из него никакой. И вообще, он представлял жизнь делового человека несколько иначе. Думал, будет сидеть в представительном офисе, заключать выгодные сделки, подписывая бумаги дорогим «Эрихом Краузом». Превращать малые деньги в большие...

Конечно, Андрей не на Луне родился. Слышал кое-что о беспокойной жизни русских бизнесменов, понимал – не всё так просто. Да и примеры перед глазами имелись. Рынок давно поделен, на ключевых позициях сидят ловкие ребята, у которых всё схвачено. Поди, протиснись в такой толчее! Но в том-то и дело, что некоторых из этих ребят он знал, и ему была обещана поддержка. Только вот красиво получалось на словах, а как дошло до денег, начали всплывать неприятные нюансы.

Либо договор как-то так хитро составлен, что другие зарабатывают, а он при своём интересе остаётся. Либо объективные причины появляются, и все не в его пользу. Видно, не так у него мозги устроены. Или образования не хватает? Художник. Более того – неудавшийся художник. И бывший педагог.

Правда, по наблюдениям Андрея, все его знакомые, застолбившие место в современном предпринимательстве, не были ни экономистами, ни финансистами. Кто инженером раньше трудился, кто по военной службе проходил. В торговле другое требовалось – хватка, чутьё, ещё что-то, чего Сосновцев, как видно, был лишён начисто. И потому с этим делом надо завязывать. С другой стороны, завязать-то недолго, а что дальше – опять в школу? Снова учить малышей рисованию, а великовозрастных лоботрясов – черчению?

И второе, нужно решать с Верой. Неудобно перед девушкой – ровно три пыльные встречи и всё. Да, подход получился быстрым, напор – решительным. Период цветов и шампанского он свёл до минимума. И вот уже кульминация: смятые простыни, отчуждённые лица. Удовлетворение от достигнутой цели, очередной покорённой крепости быстро выветрилось, а встречаться больше не хочется.

Но так тоже нельзя, по-человечески нужно. Поговорить, объясниться – мол, дорогая, я не тот человек, который тебе нужен. Я слишком уважаю личную свободу. И твою, заметь, в первую очередь... Что-то в этом духе.

Размышляя подобным образом, Андрей набросил куртку. Погода неустойчивая, то выглянет солнце из-за лохматых туч-облаков, то снова спрячется. А зонты Сосновцев не любил: постоянно терял, пока не отказался совсем. Лучше надеть бейсболку, вот так. Телефон – в карман, дежурный пакет с надписью «Адидас», верный спутник холостяка, – тоже. На обратном пути нужно будет заскочить в магазинчик самообслуживания, взять что-нибудь пожевать. Деньги. Ну, всё...

Из стопки старых журналов в прихожей вытащил верхний, оказался «Техникой молодёжи» за прошлый год. Перелистал, ничего интересного по дельтапланам не было. Пойдёт, лавочки наверняка мокрые, сидеть на них без подкладки удовольствие небольшое. Свернул журнал вдвое, сунул в нагрудный карман. И вышел за порог, ещё не зная, что покидает родной дом навсегда.

Здесь жили отец с мамой. Сюда двадцать семь лет назад привезли крохотного, новорождённого Андрюшеньку. Детсад, школа... Седьмой класс, Юрка Полухин, тот страшный зимний день... Нет, это мы пропускаем. Иначе никаких посиделок в парке не получится. Захлестнут воспоминания и чувство вины. Грех, который не забыть, не замолить, не вычеркнуть из судьбы. Мог он тогда сделать что-то? Сегодня кажется, что нет, а на самом деле?...

Мама умерла, когда ему было шестнадцать. Приближалось окончание школы, время выбора жизненного пути. Выпускного она не дождалась. Отец крепился, как мог, но всё чаще топил память о любимой женщине в вине. У пьяниц жизнь короткая, год за три, а то и за все пять. Отец пережил маму ненадолго. Получив аттестат зрелости, Андрей ушёл в армию. На традиционные проводы пришли только друзья.

Сосновцев спустился по лестнице со шербатыми ступенями. Прошёл мимо стен с полустёршимися надписями «Светка дура» и «Витя Цой форева». Он не замечал привычных запахов и не обращал внимания на знакомые с детства звуки – шум телевизора у соседей напротив, традиционный утренний скандал этажом выше. Окурки на лестничной площадке, где живёт подросток Гоша. К нему приходят друзья, а на улице дождь, где ещё поговорить мальчишкам? Хорошо хоть пивных банок не набросали.

Хлопнул обшарпанной дверью подъезда и зашагал, не оглядываясь, по улице, обходя и перепрыгивая лужи. Ничто не ёкнуло в груди, никто не подсказал, не шепнул на ухо – ты сюда больше не вернёшься.

Андрей прикидывал выйти на проспект, пролежавший за ближними многоэтажками, за поворотом. Купить там запланированное пиво, а дальше свернуть на улицу, ведущую к старому парку – с прудом, фонтаном в центре и скамейками в нишах из постриженного вечнозелёного кустарника. Фонтан сейчас, конечно, не работают, а ведь когда-то они, студенты художественного училища имени Сурикова, рисовали его с натуры. Да и сама «альма-матер» недалеко, всего в трёх кварталах.

После армии Андрей четыре года изучал там композицию, перспективу, цветовую гамму, и прочие премудрости художественного ремесла. Так хотела мама, почему-то она была уверена, что сын обязательно станет великим музыкантом или художником. На ухо Андрею наступил медведь, но рисовать получалось. Так почему бы и нет? А потом учёба увлекла. Сколько надежд было у тогдашних студентов, как мечтали они стать великими живописцами!

Вспомнилась нектати Галка из параллельной группы. Любовь у них тогда была – первая, и казалось, до гроба. Но потом появилась Марина, затем Оля. Потом оказалось, что есть и другие девушки, и все по-своему хороши. Как-то быстро это всё пролетело...

По окончании учёбы Сосновцев скоро понял, что второго Репина из него не получилось, и нового Дега тоже. Времена на дворе стояли непростые. Уже не ревушие девьяностые, конечно, но тоже... Только новые банки росли как грибы после дождя, да ещё торгово-развлекательные центры. Казалось, весь город живёт лишь коммерцией, а рисовальщику без связей – куда податься?

И когда ему предложили место художника-декоратора в местном театре, он и тому был рад. Но проказа торговли «всех со всеми» пожирала город. Добралась она и до театральных подмошков. Сотрудников уволили, здание сдали в аренду под крупный магазин. Сосновцев с трудом устроился в школу учителем рисования и черчения. Диплом это позволял. И с тоской собирался каждое утро на работу.

Выручал спорт. Ещё в армии он полюбил физподготовку, сержанты нарадоваться не могли на бойца, большую часть времени проводившего у турника и на спортивной площадке. А на «гражданке» неожиданно увлёкся экстремальными видами. Спуски на велосипеде по горным склонам быстро прискучили, зато парашютный спорт, парапланы, а потом и дельтапланы – вот это оказалось то, что надо! Захватило с головой!

Если б не спорт, Андрей наверно давно бы уже начал пить горькую, как отец, и повторил бы его судьбу. А быть может, была ещё одна причина, но её Сосновцев никогда не называл вслух. Даже про себя не называл, даже во сне.

Однако учительствовать душа не лежала, хоть тресни. Чему он мог научить подрастающее поколение? Как стать художником-неудачником? Неудачником может стать любой, сам, без всяких наставлений. Увлечь ребят неповторимой эстетикой чёткости и строгости чертежных линий? Так он её и сам не чувствовал, эту эстетику! Скучотища одна... И тогда он плюнул на всё, взял по примеру многих знакомых ссуду в банке и рванул в «бизнеса». Да только и здесь что-то не заладилось, так и родительскую квартиру заложить недолго. Было о чём подумать в старом парке.

Андрей лавировал между луж. На углу примостился бомж, выставив на тротуар заматанную бинтом ногу и жестянку для подаяния. Роба у него была немывтая и хитрая. Примета времени – кто не торговал, шёл просить милостыню. Только б не работать.

Сосновцев не подавал из принципа, не верил ни в слезливые плакаты о сгоревшем жилье, ни в душераздирающие рассказы о больном ребёнке, которому, дескать, нужна срочная дорогостоящая операция. Уж больно физиономии у просителей были жуликоватые. Но бомж занял единственный сухой участок тротуара, чтобы его обойти пришлось бы грести через здоровенную лужу. Андрей начал переходить дорогу, не доходя до попрошайки. Ему всё равно нужно было на противоположную сторону.

– Чё, драпаешь?! – вдруг заорал бомж. – Монетки жалко для штрадальца? Не будет тебе пути, попомни моё слово!

Андрей невольно замедлил шаг. Высокий и широкоплечий, со спортивной подтянутой фигурой, он никогда не проходил мимо, если его задевали. Считал ниже своего достоинства спускать хамские замечания или выходки. Пусть страус прячет голову в песок, а он человек, мужчина. Негоже ему трусливо ускорять шаг, когда свистят в спину.

– Ты поскромней будь, юридивый, – неприятным голосом обронил он бомжу. – Знаем, какие вы все калеки. Бабулька сердобольная пожалеет, и будь рад, а я по субботам не подаю.

– Во-во, развелось вас, жмотов! – не унимался попрошайка. Видно уже принял хорошо на грудь, иначе откуда бы взяться такой храбрости. – Ничё, от тюрьмы да от сумы!..

Сосновцев был на середине узкой улицы. До поворота на проспект оставалось менее двух десятков метров. Он почти остановился, собираясь окоротить наглеца, когда из-за поворота на бешеной скорости, поднимая фонтаны воды из луж, вылетел «Форд Эксплорер», огромный как сарай.

На мокром асфальте внедорожник несло юзом, за лобовым стеклом Андрей успел разглядеть юношеское лицо, перекошенное ужасом. Лакированное чудовище мчалось прямо на него, Сосновцева, – всей своей многотонной массой! Приближалось стремительно и неотвратно!

Времени на размышления не оставалось – ноги на рефlekсах оттолкнулись от земли. Тренированное тело метнулось стрелой в сторону, сгруппировалось в длинном прыжке...

Едва успел. Вылетел-выпрыгнул из-под самых колёс с рифлёными протекторами. И приземлился, не успев разглядеть – что там, под ногами...

Удар! – треск! – грохот!

Свет перед глазами мелькнул и погас. Андрей провалился, не понимая – куда летит? Свободное падение длилось недолго, ботинки с громким хлопком ударились обо что-то твёрдое, но не жёсткое. Вверху, в полутора метрах зияла неровная дыра среди уложенных в ряд досок. Щепы ещё сыпалась на голову и плечи...

Чёртовы коммунальщики, ну что за бестолочи! Их манера – закладывать люки коллекторов досками – хорошо известна в городе. И надо же было Сосновцеву угодить именно в такой вот капкан! И будь трижды счастливы юнцы, что садятся за руль папиных дорогуших авто, не научившись толком водить.

Андрей перевёл дух, вслушиваясь в себя. Он стоит на полусогнутых: вроде всё цело и ничего не болит. Только ноги гудят от удара о... обо что? Вгляделся. То, что он принял вначале за бетон, которому и положено быть в нормальном коллекторе, оказалось слежавшейся землей. А вокруг старые, осклизлые кирпичи. И не канализация это, во всяком случае – не тоннель. Просто колодец, неглубокий, но довольно просторный.

Впереди, буквально в полуметре, из земли торчит ржавая металлическая конструкция – то ли труба с вентилем, то ли пожарный гидрант. В полумраке не разглядеть. Повезло, приземлился он чуть впереди – ноги переломал бы точно. Пахло в колодце сыростью и землёй, но вони сточных вод не ощущалось. Да и не было их, вод этих...

Наверх вели вделанные в стенку скобы. Тоже ржавые, но целые на вид. Андрей подёргал одну, другую – вроде прочные. Он начал осторожно взбираться к люку, готовый в любой миг спрыгнуть.

Вот уже отверстие совсем рядом. Но что-то не слышно двигателя кроссовера. Или нарушитель правил дорожного движения удрал? Интересно, бомжара номер запомнил? Если разглядел, Андрей из него душу вытрясет вместе этим номером. И езду плохо придётся. Нет, ребята, ничего хорошего ему, этому сопляку за рулём, не светит!

Андрей высунул голову в пролом и замер. Мысли о внедорожнике и бомже-провокаторе вмиг вылетели из головы...

Он очутился на дне оврага. Не слишком глубокого, с покатыми склонами, заросшими пожухлой травой. Луж, что интересно, не было ни одной – сухо. Зато стало заметно прохладнее, чем пять минут назад. Веял лёгкий ветерок. По склону, что оказался прямо перед лицом, тянулась тропинка. Она петляла пологими уступами, образующими нечто вроде естественных ступеней. Ясно – подъём. Он же спуск.

Сверху доносились приглушенные звуки, какое-то постукивание, позвякивание, и что-то вроде невнятного бубнёжа. И ничего похожего на звуки большого города: гула моторов, дребезжания трамвая, отдалённых людских голосов. Или ещё чего, привычного уху, и потому не очень-то и замечаемому в повседневности. Но вот не стало их, этих знакомых шумов, и будто на другую планету попал.

Сидеть в пустом овраге Андрей смысла не видел. Осмотрев ещё раз место, куда провалился – доски как доски, люк как люк, ничего необычного, – он принялся взбираться по

склону. Глина под ногами сыпалась. Давненько здесь дождичка не было. А как же две последние недели, когда и полетать в конце сезона не удалось – лило как из ведра?

Взобрался и стал на краю, не зная – верить глазам или погодить? Рассмеяться или спросить требовательно и грозно – что за шутки?! Вот только спросить не у кого.

Недалеко от оврага начиналась улица: булыжная мостовая, деревянные тротуары, одноэтажные дома. На окнах наличники и ставни. Палисадники, облетевшие деревья и кусты. Далее виднелись двухэтажки, но тоже непривычные. Не коттеджи, не особняки, никакой аляповатой подделки под старину, бывшей в моде одно время – дурацкие зубчатые башенки, эркеры, колоннады. Самые обычные дома, сложенные из кирпича, без изысков. Некоторые оштукатурены. Только появлялось стойкое впечатление, что строили их по проектам вековой давности. Ни бетона, ни тонированного стекла. И ни одной высотки.

А церкви! – взгляд выхватывал их сразу три! Две колокольни с башенками и шпилями, и один храм покрупнее, с куполами и православными крестами. В Южнореченске сохранились всего три действующие церкви на весь город, а здесь их столько же в перспективе одной единственной улицы!

Вначале Сосновцев не заметил, что мысленно уже разделил «дома» и «здесь», это произошло неосознанно. Но когда понял, впился глазами в картину, раскрывшуюся перед ним. Вдоль тротуаров – фонари: кованые, с гроздьями светильников на верхушке. Сейчас ещё достаточно светло, но позже, когда стемнеет, их зажгут. Интересно, чем освещают это странное место? Может, и не электричеством вовсе?

Неожиданно вспомнился сюжет, виденный по телевизору. Про то, как американцы снимают свои вестерны. Берут, и строят фальшивые городки «а ля Дикий Запад» – салун, резиденция шерифа, жилые дома. Коновязи перед постройками. Может, здесь так же? Кино снимают?

В начале улицы прохожих не было, но дальше, у двухэтажных домов, где виднелись вывески магазинов, двигались человеческие фигуры. Рассмотреть их детально отсюда не представлялось возможным, зато хорошо просматривался экипаж, запряжённый парой лошадей и припаркованный у тротуара. Пролётка. Фэзтон. Карета, или как там её правильно! И опять же – не декоративная, на каких катают порой нынешнюю публику для потехи, вся в цветах и надписях типа «Эх, прокачу!». Совершенно рабочий аппарат, вон и кучер скучает на облучке, подняв хлыст кверху. Что-то не похоже, на кино-то...

Андрей оглянулся. То, что он увидел за спиной, его добило.

За оврагом протекала речка. Ничего особенного, обычная речка-вонючка, какую в любом городке найти можно. Мост, от него идёт грунтовая дорога, скрывается в облетевших садах, если он ничего не путает – яблоневых. Но вот на дальнем плане... На дальнем плане просматривались гигантские сооружения, похожие на авиационные ангары, но поражающие воображение своими размерами. С огромными воротами до самой крыши. Рядом с каждым таким сооружением располагались четыре решётчатые башни, с закреплённой между ними прямоугольной платформой. Всё это было бы загадочно и удивительно, если бы объяснение не парило тут же, рядом – в воздухе.

Дирижабль! Исполинская серебристая «сигара» висела у одной из площадок. На борту красовался двуглавый орёл, сжимающий в лапах скипетр и державу. Андрей невольно прикинул размеры эмблемы, получалось метров двадцать по вертикали, никак не меньше! На платформе даже отсюда, издали можно было разглядеть движение человеческих фигурок в ритме несуетливой, но целеустремлённой деятельности.

Вот оно что! Не ангары – эллинги! А конструкции из четырёх башен – причальные мачты. Ребристый корпус цеппелина нёс две гондолы – на носу и у хвостового оперения. Да не обычные пассажирские люльки, полное впечатление – боевые рубки. Если приглядеться, – а на зрение Андрей не жаловался, – можно было различить орудийные стволы.

Да, встречаются и в наши дни чудачки, грезящие воздухоплаванием. Изготавливают монгольфьеры, воздушные шары и дирижабли. Даже фирмы есть, производящие летательные аппараты легче воздуха на поток. Но никто не будет вооружать такую штуку артиллерией. Раскрасят рекламой, посадят любопытных туристов, которым денег не жалко, и всё. А тут – военный аппарат. В полной – такое ощущение – боевой готовности.

Нет, ну это уже ни в какие ворота, ребята!

В голове всплыли ходовые фильмы «Мы из будущего», «Туман», ещё какая-то лабуда про попаданцев. Традиция гласила, что для возвращения в своё время требуется в точности повторить условия перехода. И на какое-то время Андрей элементарно утратил контроль над собой.

Кубарем скатился по тропинке на дно оврага. Разбежался и прыгнул в дыру, памятуя, впрочем, о ржавой железяке на дне колодца и делая на неё поправку. Приземлился мягко, сказано – опыт. Огляделся, всё как и было: земля под ногами, кирпичи вокруг, труба-гидрант по центру. Принялся судорожно взбираться по скобам обратно – соскальзывая, обдирая ладони и матерясь...

Но, уже вскарабкавшись к дыре, понял – ничего снаружи не изменится. Ни звуков привычных не появилось, ни чувства, что вернулся туда, откуда пришёл. Не увидит он стоящий поперёк проезжей части кроссовер, не ухмыльнётся пьяный бомж на другой стороне улицы. Вот же гад, накарал про путь-то...

Выглянул в пролом – так и есть. Гнутая на лёгком ветерке жухлые травинки, поднимается по склону тропинка. И вновь эти звуки – постукивание, позвякивание, шуршание...

Он выбрался из колодца. Минутная слабость прошла, прыгать больше не хотелось. Так и без ног остаться можно. Ничего не оставалось, как опять взобраться по склону. Поднялся. Сзади плескала речушка, мостик... На дирижабль Андрей старался не смотреть.

Кстати, насчёт вонючки, это он погорячился. Сейчас, приходя в себя, Сосновцев невольно отметил, что вокруг чисто. Ни кострищ, обложенных кирпичами, ни баночно-бутылонных навалов, ни рваных целлофановых пакетов. Никто не использовал свободное пространство для пикников. А ведь для жителей ближайших домов – это соблазн. Почти как за городом, почти на природе! Да и бичи могли обжить овраг, место удобное. Могли бы, да вот нет их. И мусора никакого нет.

Но сейчас его интересовал источник звуков, и тот сразу нашёлся. Совсем недалеко, менее чем в десятке метров, пятеро мужиков занимались самым обыденным делом – рыли канаву. Рыли привычными на вид лопатами. Только состояние полной ошарашенности не позволило Андрею увидеть их в первый раз.

Мужики были самые обыкновенные, только показалось почему-то, что одежду свою они повытаскивали из прадедовских ещё сундуков. Пиджаки длинные, до колен, в книгах про такие писали «кафтаны». Это кто ж такое сегодня носит? Какие-нибудь ролевики, не иначе? Но и всё остальное... Шапки заломлены, рубахи у многих подвязаны кушаки. Ну, ей-богу, простонародье начала прошлого века, да и только! При всём при этом мужики были абсолютно серьёзны, сосредоточенно делали своё дело, не обращая внимания на окружающее.

– Эй, ребята! – окликнул Сосновцев и запнулся. И правда, что у «ребят» спрашивать-то? Как пройти в библиотеку?

Рабочие прервали своё занятие. Вперёд вышел один.

– Чего угодно, барин? – спросил серьёзно.

Теперь стало видно, что у работяг простые, русские лица, но все стрижены «под горшок» и бородаты. Не модная этакая трёхдневная небритость, не колючая щетина, которую попросту лень или недосуг тронуть бритвой, а окладистые, ухоженные бороды, без дураков. Такие ещё называли «борода лопатой». И называли опять же в давно читанных книж-

ках про старину, ушедшие времена. Хотя сейчас мода на растительность на мужских лицах возвращается, но попробуйте поставить современного юнца – с его тонюсенькой, вычурно выбритой, будто нарисованной бородёнкой – рядом с таким вот посконным бородачом, и... И посмотрим, какие чувства вы при этом испытаете.

– Я говорю, бог в помощь... – смешался Андрей. Вид копачей почему-то к шуткам не располагал. Ясно было – он отрывает людей от серьёзного дела.

– И вам не хворать, уважаемый, – всё так же серьёзно откликнулся мужик, бывший, судя по всему, у копачей за бригадира. – Нужна помощь?

– Да не так чтобы... – ещё более смутился Сосновцев.

Ну вот, и что дальше? Спросить у этих рабочих который год? Где он очутился? Как-то выглядело это глупо. Но и оставаться в полном неведении не было больше сил. Решился.

– Что за город? – спросил напряжённым голосом.

– Так Володимир город-то, – отвечал бригадир. Впервые в его голосе прозвучали нотки удивления. – Володимирской губернии.

– А в Москву как попасть? – очумело спросил Андрей первое, что в голову пришло.

– В Москву на поезде надо, с вокзала.

– Ага. А вокзал далеко?

– Так у реки.

Сосновцев невольно оглянулся.

– Не... – понял его движение бригадир. – То Боровок. А надо к Клязме. – И махнул рукой куда-то в сторону города.

– Понял, – пролепетал Андрей и на ослабевших ногах направился в указанном направлении.

Копачи разом поклонились, сняв шапки, и вновь взялись за лопаты, будто ничего не произошло.

Конечно, ни в какую Москву ему не нужно. И Владимир, губернский город – ему тоже до фени. Он хочет обратно, в Южнореченск, домой! Согласен в компанию к бомжу, казавшемуся теперь ближе и роднее, чем бородачи, копающиеся в земле. Во всяком случае, привычнее. Опустив глаза долу (почему-то построение фраз само по себе напрашивалось на старинный, книжный манер), Сосновцев побрёл по улице, по мощёной булыжником мостовой. Оружие пролетариата, вдруг всплыло в памяти. Булыжники, в смысле. Может, тут и большевики есть, затевающие революцию?

Впрочем, Великую Октябрьскую теперь в газетах кличут переворотом. И ему от этого, в любом случае, толку никакого. Но надо же что-то делать! Найти кого-то, узнать, спросить. Быть может, ещё возможно исправить положение...

– Вы что-то ищете, сударь?

Вопрос заставил Андрея споткнуться и остановиться.

Перед ним стоял человек, которого иначе как колоритной личностью не назовёшь. Возраст немногим более сорока, ростом пониже Сосновцева, мужчина однако был широк в плечах и крепок. Спину держал ровно, словно аршин проглотил, бросалась в глаза гордая посадка головы. Всё это придавало осанке некое особое достоинство.

Одет он был в длинный, лишь немного выше колен, двубортный приталенный пиджак тонкого сукна. Сюртук, выплыло откуда-то из закоулков памяти. Это называется сюртук. Шёлковая рубашка, белоснежный воротничок которой выглядывал поверх элегантного галстука. Уголок платка из нагрудного кармана – ослепительно белый. Картину дополняли полосатые узкие брюки и штиблеты.

Но самым примечательным было лицо: чуть удлинённое, нос с горбинкой, румянец на щеках. Русые ухоженные усы органично переходили в аккуратные бакенбарды, не слишком

густые, но пушистые. Круглые глаза смотрели на Сосновцева внимательно, со смешанным выражением интереса и чуть прикрытого узнавания. А весь облик будто сошёл с портрета дворянина дореволюционной эпохи.

На голове мужчины красовался шёлковый цилиндр, в руках он вертел тонкие лайковые перчатки.

– Вы что-то разыскиваете? – повторил свой вопрос незнакомец. – Или кого-то?

Но тут в Андрея словно бес вселился:

– А вы, случаем, не в театре играете? В пьесах Чехова не участвуете?

– Вы кого имеете в виду? – вздёрнул бровь собеседник. – Если Антона Чехонте, то что ж – достойный драматург. Недавно давал в Москве премьеру – «Вишневый сад». Я ездил, смотрел, хотя завзятым театралом себя не считаю. Но ваш намёк на актёрство мне неприятен. Или я похож на лицедея?

– А на концерты Петра Ильича не ездили? – елеинным голосом продолжал Сосновцев. Он понимал, что ведёт себя по-дурачки. Как полный идиот ведёт себя, прямо скажем. Но ситуация складывалась настолько фантастично, что ничего с собой поделать не мог.

– Мне не нравится ваш тон, сударь, – надменно проронил «чеховский персонаж» и вздёрнул теперь уже не только бровь, но и подбородок. – Потрудитесь объяснить, что вы хотите этим сказать?

– Ну, блин, воще! – сорвался Сосновцев. – Вы тут что, совсем с ума сбрендили?! В небе – дирижабли, шмотка, будто театральные реквизит, мужики траншею роют, так будто только сошли с картины Репина... Вы в какие игры играете, а?

– Не понимаю, причём здесь блины. Однако должен вам заметить, сударь, что порядочные люди так себя не ведут. Тем более, в незнакомом месте. Так ведь? Вы пока не понимаете, куда попали?

– Отчего же, очень даже понимаю, – шутовски раскланялся Андрей. – В ба-ла-ган! Да-да! В балаган. А вы тут все – шуты!

– Вы переходите все границы дозволенного, сударь! – воскликнул незнакомец. Щёки его заалели, бакенбарды воинственно встопорщились. Он принялся лихорадочно натягивать перчатки.

Ого! – несколько охолонул Андрей, – уж не собрался ли этот ряженный броситься врукопашную? А мужчина тем временем принял боксёрскую стойку.

– Знаете, что такое аглицкий бокс, сударь? Придётся поучить вас манерам, коль больше некому...

Сосновцев слегка опешил. Он был выше, мощнее, тяжелее соперника. Принимать усача всерьёз как-то не получалось. Но накопившееся нервное напряжение требовало выхода. Не просто требовало – аж пищало! Что ж, дядя, держись! Он поднял руки и... в следующий миг от хлёсткого, точного удара в челюсть подкосились ноги. Перед глазами поплыло, уши словно заткнули ватой, и через эту вату, заглушающую посторонние звуки, быстрым перестуком слышался собственный пульс. Сосновцев отпрянул, трясая головой как лошадь, пытаясь прийти в себя.

А противник бойко подпрыгивал на месте, держа высоко поднятые кулаки. Он был заряжен энергией и желанием врезать чужаку ещё разок.

В спортзале, куда Андрей ходил регулярно, умелые ребята тренировали приёмы рукопашного боя. Они не уставали повторять – у боксёра сильные руки. Не пытайся его перебоксовать, он постоянно тренирует свои двойки-тройки и выбрасывает их на автомате. Слабое место боксёра – ноги. Ноги у него только для передвижения...

Ах ты, Тайсон недоделанный! Вот так, значит? Кулаком в морду, да?!

Андрей пошёл на сближение, выманивая противника на себя, но в последний момент резко присел, нырнул под его руки. А следом, с поворотом, резко подсёк опорную ногу.

Незнакомец, начавший движение, рухнул лицом в булыжную мостовую. Однако не разбился – сгруппировался, перекрутился, подпрыгнул мячиком. Миг, и он снова на ногах.

– Где вы этому научились?! Борьба? Джиу-джицу? – забросал он Андрея вопросами. – Непременно покажете, как это у вас получается! Здесь благородному искусству борьбы не обучены, знаете ли. Всё норовят засветить с размаху в скулу и вся недолга. Никакой хитрости. Так, договорились? Покажете?

Злости в его голосе не слышалось совершенно, лишь искренний интерес. Да немного участилось дыхание.

– Покажу... – оторопел Сосновцев. – Только это лучше в зале делать...

– Нужно будет, найдём и зал. А вы молодец, не тушуетесь! Представьтесь.

– Андрей Сосновцев... – постепенно приходил в себя Андрей.

– Так у нас не принято, вы не басурман какой. Русский человек имеет имя и отчество.

То есть чтит родителя своего, на чём и стоим.

– Андрей Павлович, – совсем уже смутился Сосновцев.

– Вот это правильно. А я – Никодим Митрофанович Селивёрстов, штабс-капитан в отставке. Будем знакомы? – и протянул руку.

– Будем! – выдохнул Андрей, отвечая на рукопожатие.

– Что ж, идёмте, – предложил Селивёрстов.

– Куда? – тупо спросил Сосновцев.

– Так уж получилось, милостивый государь, что на всей этой улице один я, наверное, знаю точно, куда вам нужно сейчас пройти. Там найдутся люди, способные внимательно вас выслушать и ответить на многие ваши вопросы. Поверьте, так будет лучше...

– Кому? – задал ещё один глупый вопрос Андрей.

– В первую очередь – вам. Сейчас вы удивлены и растеряны. Наверняка ведь заметили дирижабль, правда? А предстоит узнать ещё много другого – нового и интересного. Вот я и хочу отвести вас к людям, которые посвящают в это профессионально.

– Рассказывают новое и интересное?

– Да. Таким господам как вы...

В это время из-за поворота вырулила самобеглая коляска. Почему-то именно это устаревшее название, где-то когда-то вычитанное, вспомнил сейчас Сосновский. Всплыли в памяти виденные в энциклопедиях фотографии, картинки из интернета. Всё выглядело точь-в-точь так же: карета, только без лошади. Вместо цокота копыт благородного животного раздавалось жуткое тарыхтение, перемежающееся выхлопами наподобие выстрелов. За аппаратом тянулся шлейф сизого дыма, на брусчатке его нещадно трясло, однако водитель – в кожаной кепи, крагах и огромных очках – имел вид столь гордый и независимый, что Андрей невольно им залюбовался. Пилот величаво двигал поворотным рычагом, заменявшим когда-то автомобилям руль, и нажимал грушу клаксона, издававшего резкий, неприятный звук.

Именно самобеглая коляска поставила последнюю точку в сомнениях Сосновцева. Вдруг стало окончательно и бесповоротно ясно – он в другом мире, в другом времени, может быть, в другой вселенной. Он чёрти где, только не дома, не в Южнореченске осенью 2013 года.

Что-то такое, видимо, отразилось на лице Андрея, потому что Селивёрстов сказал успокаивающим тоном, каким говорят с испуганными детьми:

– Вот я и говорю – нового и интересного. Это французский автомобиль, ездит при помощи специального мотора. Ничего особенного по нынешним временам, не стоит так волноваться. Право слово, идёмте, сударь. Там, куда я вас отведу, найдутся ответы на все вопросы.

Они пошли не вверх по улице, а вниз, к речке. Перебрались на другой берег по мосту. Только теперь Андрей заметил, что отсюда можно двигаться не только по грунтовке в сады, но и налево. Там тоже проходила дорога, и в некотором отдалении виднелись строения.

– Видите пожарную каланчу? – спросил на ходу собеседник. – Нам туда.

Каланча хорошо просматривалась, и было до неё что-то примерно с километр. Сосновцева терзали сомнения – куда ведёт усач? Судя по его виду, он не слишком-то и удивлён появлением парня в одежде, какую здесь не носят, и для которого катящие по дорогам музейного вида автомобили и военные дирижабли в небе – ситуация более чем нестандартная. Значит, он тут не первый? И как с такими обращаются – в узилище сажают? К стенке ставят? Пытают, с тем, чтобы выведать секреты будущего времени? Узнать самую главную тайну мальчиша...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.